

4. Дёгтева В.А. Бублик для гуманоида. М. : Эгмонт Россия Лтд, 2009.

5. Лейдерман Н.Л. Проблема жанра в модернизме и авангарде (Испытание жанра или испытание жанром?) // *Studi Slavistici*. 2008. № 5. С. 147–177.

6. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // *Структура волшебной сказки : сб. ст. / под ред. Н.В. Усенко*. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. С. 11–121.

7. Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // *Структура волшебной сказки : сб. ст. / под ред. Н. В. Усенко*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. С. 122–160.

8. Пропп В.Я. Русская сказка. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984.

9. Седов С.А. Геракл. 12 великих подвигов: как это было на самом деле. Рассказ очевидца. 2-е изд. М. : Самокат, 2012.

10. Собакин Тим. Жёлтые зубы // *Трамвай*. 1990. № 12. С. 9.

11. Собакин Тим. Заводной мир: стихи, сказки, песни. М. : Астрель : АСТ, 2007.

12. Трыкова О.Ю. Сказка, быличка, страшилка в отечественной прозе последней трети XX века : учеб. пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2001.

13. Шац С. Три подвига Сумбурука. Таллинн : Пало-Алто, 2004.

* * *

1. Vijra Ju.B. Samye vesjolye zavijral'nye istorii. M. : Astrel' : AST, 2009.

2. Georgiev S.G. Drakony sredi nas: Pravdivye istorii. M. : Drofa, 2002.

3. Givargizov A.A. V chest' korolja. M. : Vremja, 2011.

4. Djogteva V.A. Bublik dlja gumanoida. M. : Jegmont Rossija Ltd, 2009.

5. Lejderman N.L. Problema zhanra v modernizme i avangarde (Ispytanie zhanra ili ispytanie zhanrom?) // *Studi Slavistici*. 2008. № 5. S. 147–177.

6. Meletinskij E.M., Nekljudov S.Ju., Novik E.S., Segal D.M. Problemy strukturnogo opisanija volshebnj skazki // *Struktura volshebnj skazki : sb. st. / pod red. N.V. Usenko*. M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 2001. S. 11–121.

7. Novik E.S. Sistema personazhej russkoj volshebnj skazki // *Struktura volshebnj skazki : sb. st. / pod red. N. V. Usenko*. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2001. S. 122–160.

8. Propp V.Ja. Russkaja skazka. L. : Izd-vo LGU, 1984.

9. Sedov S.A. Gerakl. 12 velikih podvigov: kak jeto bylo na samom dele. Rasskaz ochevidca / 2-e izd. M. : Samokat, 2012.

10. Sobakin Tim. Zhjoltye zuby // *Tramvaj*. 1990. № 12. S. 9.

11. Sobakin Tim. Zavodnoj mir: stihy, skazki, pesni. M. : Astrel' : AST, 2007.

12. Trykova O.Ju. Skazka, bylichka, strashilka v otechestvennoj proze poslednej treti HH veka : ucheb. posobie. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2001.

13. Shac S. Tri podviga Sumburuka. Tallinn : Palo-Alto, 2004.

Transformation of traditional genres in the literature of the modern children's vanguard

There are represented the variants of traditional elements use in the modern children's literature; described the way to create the conditions for the vanguard transformation of traditional genres.

Key words: *vanguard, modern children's literature, genre, genre transformation, loanword, parody, children's fearful story, fairy tale, myth.*

(Статья поступила в редакцию 08.09.2015)

Д.К. КАРСЛИЕВА
(Волгоград)

ВРЕМЯ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА В РОМАНЕ ЙЕНА МАКБЮЭНА «ДИТЯ ВО ВРЕМЕНИ»*

Рассматривается роман английского писателя Йена Макбюэна «Дитя во времени» в аспекте осмысления времени как глобальной культурной проблемы. Особое внимание уделено мотиву борьбы со временем, непреодоленному прошлому, мотиву утраченного времени, взаимодействующим в романном повествовании Макбюэна в художественной рефлексии предшествующих и современных естественнонаучных концепций и философско-эстетических воззрений на проблему времени.

Ключевые слова: время, пространство, повествование, постмодернизм, экзистенциализм.

Процесс осмысления времени пронизывает человеческую культуру на всем протяжении ее развития. Временность и вечность – вот категории, рефлексии над которыми не избежал

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №13-34-01013 «Романная проза Запада на рубеже XX–XXI веков»).

ни один крупный мыслитель, будь он ученым, философом или художником. Осознание времени непосредственно связано с самыми фундаментальными представлениями о действительности – с трактовкой бытия, смысла жизни, основ всей человеческой деятельности.

Изначально человечество формировало понимание сущности времени в мифологических образах, а с зарождением философии началась многовековая история философского осмысления времени. В центре внимания искусства всегда были жизнеполагающие проблемы человеческого бытия. Художественное освоение временной структуры действительности составляет богатое наследие культурно-развития общества.

Проблема времени испытывает влияние всего комплекса социокультурных явлений своей эпохи. Для нее, по мнению В.П. Казаряна, характерна «устойчивость определенных подходов исследования при их взаимной конфронтации и историческом своеобразии» [4; с. 6]. В русле материалистических и идеалистических учений в соответствии с их основополагающими принципами исследовались взаимоотношения времени и действительности: является ли время самостоятельной сущностью или, напротив, оно обусловлено особенностями реального мира.

Художественное сознание творчески интерпретирует естественнонаучные и философские учения о природе времени. Модели художественного времени напрямую связаны с понятием «картина мира» и подвержены таким же изменениям, как и исторические представления о нем. В частности, в постмодернистском романе время – активная игровая категория. В одном художественном пространстве переплетаются различные хронотопы, а автор постоянно играет с повествовательным временем и читателем. Писатель является выразителем идеи о необходимости соединения в романе всех возможных знаний о мире: научных, религиозных, философских, мистических, повседневно-обыденных. Произведение уподобляется безграничному культурному полю, в котором уживаются противоречивые истины. Автору, а за ним и читателям, необходимо осваивать все проявления сложного мироустройства.

Важнейшей отличительной чертой литературы второй половины XX в. становится ее активное взаимодействие с научной мыслью этого времени. Многочисленные достижения философии, культуры и искусства ста-

новятся предметом осмысления и в британской прозе. Следует признать правомерность суждения О.А. Джумайло, что «английский роман 1980–1990-х немислим без теоретико-интеллектуального фона постмодернистских штудий» [3, с. 25]. И вместе с тем исследователь подчеркивает связь английских писателей с реалиями действительности: «Социальные последствия политики М. Тэтчер, мультимедийное сознание британца, бесконечные поиски своего места внутри среднего класса, национальной и личной истории, не менее активные расследования тайн гендера – все это и многое другое оказалось для И. Макьюэна, Дж. Коу, М. Эмиса, Гр. Свифта, С. Рушди, Дж. Уинтерсон больше чем симулякрами» [Там же, с. 27].

Роман «Дитя во времени» (“The Child in Time”, 1987) занимает в творчестве Йена Макьюэна особое место, т.к. отражает генезис художественно-эстетических исканий писателя. Многие исследователи [8, 1] называют это произведение своего рода водоразделом в творчестве автора, его переходом из области исследования разного рода патологических состояний абстрактных героев в неназванных интерьерах к освещению проблем социального, политического и даже экологического толка. Это роман переломный в эволюции творческих исканий Макьюэна, он создавался после шестилетней паузы, которая дала писателю возможность по-новому посмотреть на задачи романа. Этот роман отразил интерес писателя не только к человеческой природе, но и к общественному, социальному, политическому ландшафту, к безграничному полю культуры. Макьюэн стремится облечь в художественные образы мировоззренческие установки и противоречия, имеющие диалектический характер: мужское и женское, личное и общественное, естественнонаучное и мистическое мировоззрение. Подобного рода проблемы регулярно поднимаются в его последующих произведениях, хотя приверженность Макьюэна к приватным, запретным и сокровенным темам, которые ему удается изображать с беспристрастной меткостью, остается отличительным свойством писателя.

Остается прежним, хотя и менее акцентированным, интерес Макьюэна к экзистенциалистским идеям и прозе. Сам Макьюэн не отрицал влияния на свое творчество экзистенциализма, в частности, Ф. Кафки и С. Беккета, творчеством которых, по собственному признанию, он увлекался в студенческие годы.

«Я был поражен однородной серостью английского письма, – говорит Макьюэн, – Кафка мог сделать так, что человек проснулся, обнаружив свое превращение в огромного жука. Он принимает это как очевидное, заботясь о том, как он доберется до работы, о том, что подумают его родители, но не волнуется по поводу того, что он – гигантский жук. Я любил эту смесь фантазии, усиленной эмоциональным реализмом. Именно это я искал и именно так хотел писать» [6].

Он испытал влияние Кафки на начальном этапе своего творческого пути и считал, что «самые интересные книги написаны о людях, увиденных вне каких-либо исторических обстоятельств» [7]. Однако в главном Макьюэн всегда оставался верен себе: его интересует экстремальный опыт, поворотный момент, безвозвратно меняющий человеческую жизнь. Один из исследователей творчества Макьюэна Д. Малькольм заметил: «Откройте не ту дверь, поверните не на ту улицу, утратьте на мгновение внимание, и как предлагает Макьюэн, вы вступите в кошмар» [8, с. 156]. Этот интерес к человеку, оказавшемуся в «пограничной ситуации», на грани между жизнью и смертью, несомненно привнесен в творческое поле Макьюэна экзистенциализмом и никогда полностью не исчезал из его произведений. Согласимся с мнением исследователя, что «при всей увлеченности наукой, при значительно измененном ландшафте идей, Макьюэн продолжает писать об экзистенциальных “бытии и ничто”, о равнодушии косной материи к человеку, о его хрупкости перед лицом катастрофической случайности» [3, с. 287].

При создании романа «Дитя во времени» Макьюэн ориентировался на идею о пограничном положении «опытов времени» человека между объективным и субъективным, рациональным и иррациональным: «...я пытался воплотить многие из субъективных опытов времени, разместив их в рамках научного и мистического» [9, с. 48]. В тексте взаимодействуют две повествовательные линии: первая пронизана идеей о разрушительном воздействии времени на человека, вторая реализует идею о воздействии человека на время путем преодоления его разрушительной силы. Благодаря противоречивому единству этих мотивов текст романа обретает смысловую многомерность, которая проявляется в наличии двух сюжетных ветвей (Дарка и Стивена), демонстрирующих разные возможности отношений со временем (Дарк – разрушительность игр со

временем, Стивен – достижение компромисса со временем).

Все герои романа задумываются над проблемами времени, каждый из них так или иначе высказывается о его сущности: его невидимой силе, необратимости и свойствах. Внутреннее время, осознаваемое самим человеком для себя, противопоставляется времени внешнему. Неумолимое историческое время никогда не вернет утраченного ребенка, но субъективное время позволяет жить этому ребенку в родительской памяти и даже продолжать взрослеть. Стивен все время внутренним взглядом видит свою утраченную дочь не только в том возрасте, в каком она была потеряна, но и ее постепенное взросление, мысленно представляет себе, как она читает книги, возможно, его романы, написанные для нее.

Понятие времени в романе Макьюэна многозначно и вступает в диалогические отношения с различными контекстами культуры и науки. Время осознается героями как «течение жизни», как изменение и становление, т.е. писатель использует архаическую модель «время – движение». Перемещением звезд по небосклону в архаичном обществе измерялось время, поэтому его и стали ассоциировать с движением. Не случайно в конце романа возникает уподобление Марса суровому миру за окнами. Древняя мифология используется писателем для обозначения власти времени над человеком.

Противоборство физического и личного времени в романе происходит внутри человека, он противостоит неумолимой силе времени своей памятью. Следует согласиться с мнением исследователя о том, что «Макьюэн художественно воплощает одно из центральных положений философской мысли XX века – субъективность темпорального сознания (интуитивизм А. Бергсона, феноменология Э. Гуссерля, экзистенциальная онтология времени М. Хайдеггера)» [2, с. 12]. В сознании главного героя Стивена физическое и личное время не просто разделяются, но и временами «наслаиваются» друг на друга.

В повествовании содержится упоминание о модернистах, в творчестве которых осмыслялось субъективное время человека. Посредством своей героини, женщины-физика, Макьюэн упрекает как науку, не желающую брать во внимание субъективный опыт, так и искусство, замкнувшееся в пределах субъективного, что можно трактовать как выражение эстетических взглядов писателя, в основе которых лежит идея о единстве объективного и

субъективного, умопостигаемого и интуитивного. По мысли Макьюэна, новое искусство должно считаться с современными научными достижениями и художественно осваивать их.

Несомненно, основное место в повествовании занимают рассуждения писателя устами героини – ученого-физика Тельмы Дарк о природе времени, восприятии его человеком. Можно даже утверждать, что в романе время – это магическая сущность, которая сталкивает прошлое и настоящее, вызывая пробелы в повседневной реальности. Именно поэтому немаловажное значение приобретают рассуждения Тельмы о природе времени, о потенциальной возможности создания новой теории, объясняющей волновую или квантовую природу материи. Ее попытка объяснить с точки зрения науки галлюцинацию главного героя Стивена, когда он увидел в пабе родителей, решающих судьбу своего нерожденного ребенка, т.е. самого Стивена, оказывается двойственной. С одной стороны, в мире, который все больше понимается как квантовый, в котором отсутствуют причинно-следственные связи, а вероятности порождают множественность параллельных миров, то, что случилось со Стивеном, вполне допустимо. С другой стороны, даже предлагая свое, естественнонаучное толкование события, Тельма все же признает, что только наукой произошедшее объяснить нельзя. «Не нужно быть физиком, – рассуждает героиня, – чтобы объяснить, что с тобой произошло. Должно быть, Нильс Бор был прав, когда сказал, что ученым не следует вмешиваться в реальную жизнь» [5, с. 187].

Упоминание в романе о Н. Боре наводит читателя на возможность еще одной интерпретации данного события – применить «принцип дополнительности» к трактовке происходящего. Это понятие предстает перед нами как высшая форма качественного объяснения противоречивости галлюцинации Стивена, ведь благодаря развитию данного принципа как универсалии такие, казалось бы, несовместимые вещи, как «объективное – субъективное», «материализм – идеализм», «рефлексия о мире – растворение в мире», «физика и мистика», оказываются равноправными и дополняющими друг друга.

Вполне уместной могла бы стать и трактовка данного эпизода как мистического события, вызванного измененным сознанием главного героя, находящегося уже несколько лет в глубокой депрессии из-за внезапного исчезновения дочери в супермаркете: «Утраты были

привычным предметом его размышлений» [Там же, с. 14]. И момент, свидетелем которого он становится, является значимым прежде всего для него, ведь тогда решался вопрос о том, быть ему рожденным или нет, а значит, потенциально обсуждалась возможность рождения его утраченной дочери, – «ему предлагалось не просто это место, но особый день, *этот* день» [Там же, с. 87]. После видения в пабе Стивен переживает не просто перемещение во времени, он перерождается в доисторическое существо (превращение как аллюзия на Кафку): «...колени стали расти и достигли подбородка, пальцы превратились в чешуйчатые перепонки, жабры отбивали секунды настойчивыми, беспомощными ударами сквозь соленый океан...» [Там же, с. 92].

Писатель пытается художественно осознать, насколько новые открытия в науке значимы и доступны живой действительности, проверяя их на достоверность жизненным опытом и оценивая их вклад в обычную человеческую жизнь с ее радостями и скорбями, раскрывая некоторые моменты присутствия зла как в частной, так и в политической сфере.

Признавая центральной темой творчества Макьюэна мучительный процесс самопознания в любви, утрате и искуплении, стоит согласиться с О.А. Джумайло в оценке точности изображения писателем режима правления тори: «Макьюэн суров в критике правительства, заострившего социальное и экономическое неравенство, сведшего на нет идею государства всеобщего благосостояния, прикрывающего за лозунгами возвращения к закону, порядку и традиционным семейным ценностям полицейские методы, которыми управляет рынок» [3, с. 83].

И все же даже в горькой сатирической иронии при изображении деградации страны писатель находит надежду на восстановление целостности человека, семейных ценностей – рождение ребенка возвращает главным героям возможность продолжить свое движение сквозь время, преодолевая боль от своей потери: «... все горести, все напрасные ожидания были включены в полный значения поток времени, в богатейшее откровение из всех возможных» [5, с. 334].

Список литературы

1. Борисенко А. Иэн Макьюэн – Фауст и фантаст // Иностранная литература. 2003. № 10. С. 284–294.

2. Веденкова Е.С. Темпоральный дискурс в романе И. Макьюэна «Дитя во времени»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.

3. Джумайло О.А. Английский исповедально-философский роман 1980–2000. Ростов н/Д., 2011.

4. Казарян В.П. Понятие времени в структуре научного знания. М.: Изд-во МГУ, 1980.

5. Макьюэн Й. Дитя во времени / пер. с англ. Д. Иванова. М., СПб., 2008.

6. Louvel Lilian, Menegaldo Gilles. An Interview with Ian McEwan // *Études britanniques contemporaines*. 1995. № 8. P. 1–12.

7. Begley A. The Art of Fiction. № 173: Ian McEwan // *The Paris Review*. 2002. № 44. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/393/the-art-of-fiction-no-173-ian-mcewan> (дата обращения: 12.11.2013).

8. Malcolm David. Understanding Ian McEwan. University of South Carolina, 2002.

9. Amis Martin. Conversations with Ian McEwan // *Writers Talk: Ideas of Our Time* / ed. by Ryan Roberts. 2010. P. 47–62.

* * *

1. Borisenko A. Ijen Mak'jujen – Faust i fantast // *Inostrannaja literatura*. 2003. № 10. S. 284–294.

2. Vedenkova E.S. Temporal'nyj diskurs v romane I.Mak'jujena «Ditja vo vremeni»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2012.

3. Dzhumajlo O.A. Anglijskij ispovedal'no-filosofskij roman 1980–2000. Rostov n/D., 2011.

4. Kazarjan V.P. Ponjatie vremeni v strukture nauchnogo znanija. M.: Izd-vo MGU, 1980.

5. Mak'jujen J. Ditja vo vremeni / per. s angl. D. Ivanova. M., SPb., 2008.

Time as the global cultural problem in the novel by Ian McEwan “The Child in Time”

There is considered the novel by an English writer Ian McEwan “The Child in Time” in the aspect of comprehension of time as the global cultural problem. Special attention is paid to the motive of fight with time, the past that hasn't been overcome, the motive of lost time that interacted in the narration by McEwan in the artistic reflection of the previous and modern natural science conceptions and philosophic and aesthetic views on the issue of time.

Key words: *time, space, narration, postmodernism, existentialism.*

(Статья поступила в редакцию 14.09.2015)

Ю.Н. СЫСОЕВА
(Волгоград)

ФОРМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ А. КАМЮ В РОМАНЕ ДЖ. БАРНСА «ПРЕДЧУВСТВИЕ КОНЦА»*

Описаны различные формы рецепции экзистенциальной философии А. Камю в романе Дж. Барнса «Предчувствие конца». Сочетание этих форм выявляет полемический характер восприятия данной философии в современную эпоху.

Ключевые слова: *философия, рецепция, форма, постмодернизм, метапроза.*

В современную эпоху ломки картины мира, переоценки научных концепций и исторического опыта многие писатели вновь стремятся к художественному освоению того проблемного поля, которое стало порождением кризисного состояния мира в предшествующий период. В центре внимания художников начала XXI в. по-прежнему находятся экзистенциальные вопросы, сформулированные философами еще в первой половине XX в. и выражающие эмоциональное отношение к миру как абсурдному, хаотичному бытию. Идеи свободы индивидуального «я» и личной ответственности активного субъекта вновь актуализируются в постмодернистской метапрозе, которую, по мнению О.А. Джумайло, «должно понимать... как аллегория революционных философско-политических сомнений» [3, с. 20]. В современной литературе очевидно возрождение гуманистического интереса к поискам смысла человеческого существования в мире абсурда, стремление преодолеть сознание его относительности. В связи с этим наиболее продуктивными с точки зрения художественных задач романного творчества оказываются философские идеи А. Камю, т.к. традиционно в основе повествовательной стратегии романистов лежит развитие интриги, строящейся на мотивах свободы, бунта и страсти.

Роман Джулиана Барнса «Предчувствие конца» (*The Sense of an Ending*, 2011) представляет собой образец метапрозы, где мастерски переплетается философская, литературная

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 13-34-01013 «Романная проза Запада на рубеже XX–XXI веков»).